

Владимир Губайловский

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Владимир Алексеевич Губайловский

Судьба человека

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050461

Судьба человека Книга стихотворений:

ISBN 978-5-91627-013-6

Аннотация

Владимир Губайловский (родился в 1960 г.) – поэт, критик, эссеист. Окончил мехмат МГУ им. Ломоносова, по специальности дискретная математика. Почти 20 лет работал программистом. В настоящее время – заведующий отделом критики и публицистики журнала «Новый мир». Первое стихотворение опубликовано в 1985 году. В 1993 году в издательстве «ИМА-Пресс» вышла первая и единственная книга «История болезни». Стихи публиковались в «Новом мире», «Дружбе народов», «Арионе» и других периодических изданиях. Лауреат премии журнала «Новый мир» (2001 г.).

Содержание

Предисловие	5
«Судьба человека состоит...»	7
Занятия философией	8
«Припомни свое опустевшее детство...»	8
Дорога на Спасск	9
Античные строфы	11
Письмо другу философу	15
Равноденствие	21
«В болезни есть изысканная прелесть...»	23
Червь сомненья	25
Автостоп 7	28
Последний идеалист	39
Критика практического разума	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Владимир Губайловский

Судьба человека

Книга стихотворений

Об авторе

Владимир Губайловский (родился в 1960 г.) – поэт, критик, эссеист. Окончил мехмат МГУ им. Ломоносова, по специальности дискретная математика. Почти 20 лет работал программистом. В настоящее время – заведующий отделом критики и публицистики журнала «Новый мир». Первое стихотворение опубликовано в 1985 году. В 1993 году в издательстве «ИМА-Пресс» вышла первая и единственная книга «История болезни». Стихи публиковались в «Новом мире», «Дружбе народов», «Арионе» и других периодических изданиях. Лауреат премии журнала «Новый мир» (2001 г.).

Предисловие

Говорить о любимом поэте так же сложно, как о мире. Способ выражения о нем осложнен не только объемом смысла, но едва ли не более – опасностью банальности.

Есть стихи, которые растут как водоросли, подвешенные в пустоте, питающиеся взвесью, – но не у Губайловского. Поэзия Губайловского похожа на симфонию потому, что каждое следующее стихотворение укоренено и произрастает из языковой почвы, обогащенной предыдущими.

В стихах есть драматическая непрерывность развития темы.

Математическая ясность, текучая связность и будоражащая парадоксальность. Пронзительная горечь, чуткость, ум и изощренная взвешенность первого лица. Просодия, насыщенная и размеренная могучим временем живого, божественного, страшного и безумного Языка. Правое полушарие поэта, через кульбит кладущее на обе лопатки левое – математика. Кристальная сложность, так непохожая на глубокую простоту.

Как выпускник мехмата МГУ – поэт прекрасно знает, что такое новая информация. Как целое невычислимо становится больше, чем прямая сумма строк, его, это целое, составляющих. Знает настолько хорошо, что чтение его поэзии приучает с каждым новым стихотворением, ведущим по

своему пространству легко и свободно, все время быть начеку, знать, что очевидная прозрачность слов ближе к концу стихотворения приобретет уникальную оптическую форму, через которую ударит луч, сдвигающий твое собственное место предстояния, выводящий в состояние неравновесности, выход из которого непредсказуем.

«Шел июльский дождь, слепой и теплый, как грудной котенок», – говорит поэт в одном из самых страшных своих стихов.

Частный опыт отдельно взятого существования – меры ноль в метрическом пространстве вечности – сжат и посеян в Русском Языке – как хлебное зерно.

Александр Иличевский

«Судьба человека состоит...»

Судьба человека состоит:
из пройденного пути,
последнего шага
и троичного выбора:
остаться на месте,
сползая в зыбучий песок,
сделать еще один шаг,
труднейший, чем предыдущий,
или прервать путь.

Занятия философией

*...люди, которым нечего сказать, но которые делают вид, что говорят нечто, выражают это в поэтической форме, как, например, Эмпедокл.
Аристотель Стагирит. «Риторика»*

«Припомни свое опустевшее детство...»

Припомни свое опустевшее детство.
Немного растерянно пробормочи:
Что, милый, тебе перепало в наследство?
Пронзительный запах кошачьей мочи.
Колени и локти в порезах и цыпках,
и след от шнуровки мяча на лице.
Мне это сыграют на ангельских скрипках,
Мне именно это сыграют в конце.

Дорога на Спасск

Снег выпал ровно на Покров.
Еще листва не облетела,
и по снегу она желтела
под розой северных ветров.
И я на тракторной тележке
повез дубовые полешки
и два куба сосновых дров.

Снег выпал ровно на Покров.
Мороз, как следует, ударил.
Старушке я дрова запарил.
Опохмелился будь здоров.
Не сам, с ребятами, конечно.
Напарник мой – мудила грешнай,
как пионер, всегда готов.

Снег выпал ровно на Покров.
Оторопевшая природа
сменила за ночь время года,
перевела, как ход часов.
Внезапно замерло пространство,
но перерывы постоянства
бывают только в мире слов.

Снег выпал ровно на Покров,

обычай строго соблюдая.
Я помню, я читал у Даля,
об этом пишет Снегирев.
Так долго истлевало лето
и только на излете где-то
оборвалось в конце-концов.

Снег выпал ровно на Покров.
Сад полон листьями, как в мае.
но этот цвет не узнаваем,
он вышел из других миров.
И есть в его происхождение
единство смерти и рожденья,
и стоит снег живых цветов.

Снег выпал ровно на Покров.
Язычество второго рода
здесь явлено без перевода.
Впечатан распорядок строф,
как в почву тракторный протектор.
Земля лежит, как мертвый Гектор
или поверженный Патрокл.

Снег выпал ровно на Покров.

Античные строфы

1

Он так уютен, так понятен,
почти лишенный белых пятен,
стоический суровый мир!
Промыты Логосом детали
и представления. Едва ли
здесь место есть для черных дыр.

2

В словах Хрисиппа и Зенона
так много истинного тона.
Круговорот не есть тупик.
Скорей, симметрия пространства,
чье движимое постоянство
способен выразить язык.

3

Классический Платонов полис —
единственный, по сути, полюс
для эллина, когда бы он
ни жил. Но Аттика Перикла
распалась так же, как возникла,
на краткой паузе времен.

4

Как хорошо под этим небом
присесть на гальку. Пресным хлебом
насытить голод, отхлебнуть
вина из новенького меха
и думать о природе смеха
и слез, нащупывая суть.

5

Прибой дотянется, облизнет

босые ноги. То, что движет
волной и ветром, движет мной.
Мы слиты общим постижением,
одним дыханьем и движеньем,
и замкнуты на круг земной.

6

Но в predetermined мире,
конечно, уже или шире
шагнуть нельзя, и потому
нам достается так немного,
что каменистая дорога
по силам даже одному.

7

Но, пережив ожог свободы,
уже нельзя, как в оны годы,
соблазн трагической вины,
писать, как случай, колебанье
струны или упругой ткани,
той, чьи края закреплены.

Аттический комедиограф
глядит на звездный гиероглиф,
а пишет о своем мирке.
Снег падает на хлопья пены,
на белый пеплос Поликсены,
и Тень стоит невдалеке.

Письмо другу философу

(Перевод с гревнедреческого)

Текст

Диоген Охломену¹ шлет привет.
Не далее как вчера, чуть свет
выходит Анаксагор²
на косогор,
ему навстречу Парменид³
семенит
и говорит:
– Человек – это мера!⁴

¹ Охломон – от греческого «охлос» – толпа. Судьбанаизвестна, сочиненья, скорее всего, обратились в дым. Впрочем, это случилось не с ним одним. Возможно, саркастический псевдоним.

² Анаксагор в основанье всего положил Ум.

³ Парменид говорил: Cogito ergo sum, или что-то близкое в том же роде, правда, в греческом переводе. Излагал свои сочинения в виде поэм, не стеснялся ритмических подпорокчеми дорог. Встреча философов маловероятна, но многочисленные белые пятна в биографии и того, и другого не исключают такого.

⁴ Фраза, судя то тону и напору, принадлежит Протагору. Довольно загадочная

Анаксагор отвечает:

– Какого, простите, хера,

Вы развешиваете у меня на ушах вашу лапшу?

Отвали на семь шагов – по числу планет, а то укушу.

Парменид возражает:

– А ты Платона знаешь? А Сократа?

а бабу его лысую?⁵ А чего тогда ты

тут выеживаешься? Уйди

с моего многотрудного пути.

В общем, вырвали друг другу по полбороды.

В этом, друг Охломон, еще нету большой беды.

Одному стоику на пиру

в полемическом, сам понимаешь, жару

просто откусили нос.

Стоически перенес.⁶

Обдумывай сказанное, Охломон, днем и ночью,

и ты убедишься воочью,

что тот, кто живет созерцаньем бессмертных благ,

тот удостоен сих,

тот бессмертен. Так!

фигура. Есть мнение, что ему принадлежат многие платоновские диалоги. По этому поводу существует целая литература, и рано еще подводить итоги.

⁵ Сократ был лыс как колено. Несомненно искажение фактов, обычное в эллистическом стиле: У Ксантиппы волосы были.

⁶ Источник, скорее всего, точен, как это ни странно. Вероятней всего ссылка на Лукиана – «Философы или пир лапифов» – довольно свободное переложение известных мифов. Мужчина, вероятно, находился в состоянии покоя или атараксии. Такое поведение было довольно широко распространено, во всяком случае, приветствовалось как идеал. Лосев, в пятом томе «Эстетики», отмечал, что стоик и бесчувственное бревно – это одна и та же, хотя и очень похоже.

(В оригинале латынь: Sic!)

Реконструкция биографии автора письма

Автор жил, скорее всего, в Риме.
Типичный подонок
(обитатель дна). Ходил по бабам,
с ними
был добр и тонок.
Страдал малокровьем.
В связи со слабым
здоровьем
любил пожевать латук,
и мальчиков, иногда сразу двух.
Зимой ночевал в котельной при Термах Нерона,
завернувшись в попону.
Настоящий философ, замечательный человек,
истинный грек.
В возрасте 83 лет и 7 дней
переменил этот мир на иной.

Замечания

Источник можно датировать II или III веком

от Р.Х. Судя по указанной ссылке на Лукиана
I век – рано.

У нас нет никаких оснований считать автора не греком!
К «Жизни философов» отношения не имеет, хотя
имитировать стиль немного умеет.

Источник представляет собой
эkleктический набор фактов, имен, идей
совершенно несовместимых, практически на любой вкус
и цвет,

лексики самого разного рода
от площадного жаргона до глубокомысленных эмпирей,
(что, естественно, сказалось на языке перевода)
никакой собственно философии в источнике нет.

Но если к нему отнестись внимательно и осторожно,
некоторые выводы сделать можно.

Собственно, именно такие крохи
и позволяют реконструировать климат эпохи.

После того как распались отдельные царства
Эпикура, стоиков, скептиков и так далее,
и попытки александрийских и римских контаминаций
ничего не дали,

наступила эпоха обесценивания
и в конечном итоге смерти классического идеала.

Самым типичным приемом, приметой времени
является ядовитое жало

пародии. Это – II век на всем пространстве Рима.

Пародия действительно необходима,

чтобы вытравить с полустертых монет

профили Диоскуров, которые застыт свет.

Человек не может смеяться над тем,
что близко и трогательно, этих тем
смех не касается. Смех – это средство
абстрагирования и, в конечном счете, убийства.
Лукианово безудержное витийство есть отказ от
наследства.
«Человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым»,
тем паче
с чем-то действительно дорогим и хорошим расстаются
иначе.
Пародия – состояние души, разучившейся плакать,
мякоть
съедена или иссохла, остались корки,
вылущенные лозунги, слипшиеся скороговорки.
Но в этот период всегда за сценой идет работа,
и кто-то
обязательно понимает, что прошлое дороже и ближе,
чем кажется большинству, что этой разлившейся жиже
нужно поставить действительную плотину,
и тогда оседает тина,
и наступает время нового синтеза, домината, Плотина.

Библиография

Диоген Лаэртский «Жизнь философов»
и весь Лосев.

Равноденствие

За потепленьем робким, первым
метет поземка по утрам,
и вторит напряженным нервам
вибрация оконных рам.

По барабанной перепонке
капель-бессонница стучит,
и наледь около колонки
приобретает талый вид.

Как трудно я болел зимою.
Как голову не мог поднять.
Воды налью, лицо омою,
Как хорошо, ядрена мать!

Заботы сдвинуты на завтра
и, в сущности, невелики.
Как весело, как безвозвратно
горят в печи черновики.

Судьба есть цепь инициаций.
Но у меня есть твердый план:
садить капусту, как Гораций
или как Диоклетиан.

Тревожный трепет опечаток
никак нейдет из головы.
Как совершенство, слаб и краток
день равноденствия. Увы.

Я выхожу на перепутье
и опрокидываю лес –
Земля летит на парашюте
под гулким куполом небес.

«В болезни есть изысканная прелесть...»

В болезни есть изысканная прелесть.
Наверно, эта пригоршня таблеток
подействовала – тихо оглушила
и помогла насущное забыть,
остановиться, замолчать, не думать.

Как хорошо в безмысленном покое
смотреть на радужную рябь событий
текущих, чтобы стать небытием,
ни тени не оставив, ни следа,
как след дыхания на стекле морозном.

Тогда и начинает открываться
другой, криволинейный, странный мир,
в котором время движется по кругу,
в котором нет, да и не может быть
ни эволюции, ни революций.

Есть только рябь, игра воды и света.
Есть звонкое предчувствие прозренья.
Есть только небо. В плотной синеве
так сладко утопать и утонуть,
так сладко раствориться без остатка –

без драматических воспоминаний,
без вынужденных слез, без некролога,
вдовы печальной, оглушенных страхом,
на произвол покинутых сирот,
оставшихся без средств к существованию.

Свободно оторваться от Земли
и плавно, без усилия скользить
по млечной колее путей воздушных.
Куда открыта эта дверь вселенной,
куда ведет спокойная отвага,
куда... не спрашивай меня куда.

Червь сомнения

Вероятно, Россия
остаётся в грязи
по причине бессилья
и с бездельем в связи.
Где на этом просторе
окружная черта?
Были б горы и море,
так ведь нет ни черта.

Что нам римское вето?
Что нам англ или галл?
Символ местности этой –
вечный лесоповал.
Непомерность инерций
здесь как раз хороша:
разволнуется сердце,
раззудится душа.

А как хочется, чтобы
было как у людей,
безо всякой особой
подоплеки идей.
Чтобы сытно да ладно
и чтоб нос в табаке.
Нет, гони неоглядно

на коньке-горбунке!
Меж крутыми горбами,
ни просвета, ни зги.
И одними губами:
Господи, помоги.

Может, эта разруха
и никчемный размах
есть вместилище духа
на широких крылах?
Нет, и это не верно
и неместный типаж.
Есть, но горькая скверна
или скверная блажь.

Ох, сгущенные краски!
Ох, крещеный народ!
Этот в полной завязке
тот без просыху пьет.
Нет как раз сердцевины,
поглядишь на просвет,
вроде две половины.
Нет, гармонии, нет.

Да, и мне подсуропил
окружной колорит.
Разве мало я пропил?
А еще предстоит.

Видишь поле картохи?
Видишь стадо гусей?
Милый, в чертополохе
сей разумное, сей.

Но отсутствие меры,
видно корм не в коня,
неизбежностью веры
привлекает меня.
Удержаться-то нечем —
только слезы да пот,
не прожить человеческим,
может, Божье проймет?
Успокоит, поможет?
Как проклятый вопрос,
червь сомнения гложет.
Чур меня, кровосос.

Автостоп ⁷

Памяти Кости Пантуева

1

Прообраз, данный в автостопе,
есть странничество. Самый путь
в автодорожном хронотопе
реализуется ничуть
не хуже, чем в пыли проселка
и тракта, скрадывая фон,
где молодая богомолка
идет босая на Афон.

2

Но отсекая святость цели,
безбытность – тоже только быт,
реализующий в пределе
лишь обращение орбит.

⁷ «Автостоп» – буквально: самоостановка.

Орбит, смыкающихся в точку,
осекшихся, как ложный путь.
Не покупается в рассрочку
беспредпосылочная суть.

3

Пора пути. Меняй попутки,
перемещаясь по земле.
Дрожат рассыпанные сутки,
как дождь на лобовом стекле.
Дели дорогу вместе с теми,
кто обкатался и привык
на перегоны мерять время,
и спать, загнав его в тупик.

4

Я погружаюсь в эту нишу,
в разлом статических пластов,
счастливый тем, что не завишу
от расписанья поездов,
и этой степенью свободы,
надеюсь, что не поступлюсь,

согласно с вывертами моды,
меняя минусы на плюс.

5

Дорога, миновав распадок,
идет наверх, и мне в лицо
сквозь частокол лесопосадок
выплескивает озерцо.
Как точный кадр видеоклипа,
как чистый световой объем,
действительный без прототипа,
формально видимого в нем.

6

За сорок верст до околотка
уткнувшись в лесополосу,
палатка дрогнет, словно лодка,
бортами трогая росу.
Но в ней самой тепло и сухо,
и мир вовне едва знаком,
и тишина щекочет ухо
шероховатым языком.

7

Солирующий самолетик
распарывает ткань небес.
Ты видишь, как белеет плоть их,
как расползается порез,
и тонет в складках горизонта
над перекрестком трех дорог,
где трехаёт из капремонта
стократ залатанный «зилок».

8

В какой-то день я выйду к морю
и сброшу на песок рюкзак.
Водой соленою промою
мир, посветлевший на глазах.
Волна выносит донный мусор.
Штормит. Наверно, баллов пять.
Стихии, стянутые в узел,
друг друга пробуют понять.

9

Пейзаж как дождь однообразен.
Все серо. Только и всего.
Камаз гребет, как Стенька Разин,
из Острова по осевой.
На мыльном зеркале асфальта,
где тормоз, ясно, не спасет,
ревет моторное конральто.
Бог весть, куда его несет.

10

Длина пути до поворота,
до выхода из тупика –
четыре шага, для полета –
два водопьяновских плевка.
И плоть слаба, и дух ничтожен,
как свет, сочащийся сквозь щель.
Мир сложен, потому что сложен
из нескольких простых вещей.

11

Валяй, молодой военнопленный,
пора нагуливать жиры.
Рим рухнул так, что вопль вселенной
доходит и до сей поры
Но пусть другой нейтральный некто
просветит нам глазное дно,
лаская скальпель интеллекта,
мне это право не дано.

12

Мы знали мало, жили плохо,
закуривали натошак.
Была прекрасная эпоха,
настоянная на мощах.
Был мутный спирт в граненой призме:
зародыш, выкидыш, отец.
Мы будем жить при коммунизме,
не мы – так дети, наконец.

13

Повремени, отходят воды.
Мы будем в Тосно до темна.
Почем у вас глоток свободы?
Да, собственно, цена одна.
Как я стоял у автомата,
пытаясь спину разогнуть
и сделать шаг. Куда? Куда-то.
Сопроводить в последний путь.

14

Потом толпой стояли в морге
в каком-то скомканном ряду.
И запах апельсиновой корки
присутствовал в моем аду.
Морской, соленый привкус пены
подкатывал, как слезный ком.
Росли деревья, дети, цены
и очередь за молоком.

15

Но, может быть, когда померк
свет, сбросив плоть, как рванный кокон,
твоя душа скользнула вверх,
помедлив возле наших окон.

.....
.....
.....
.....

16

Мы живы ритмом примитива.
Так замирает белый свет
на черных зернах негатива,
и ничего другого нет.
И выбор наш всегда банален,
но как же трудно, черт возьми,
уйти на волю из развалин,
давно оставленных людьми.

17

Я фаталист, в известном смысле.
Я знаю, что моя судьба
есть плод глубокой внешней мысли,
но мне далёко до раба.
И есть в сопротивленьи быта
соблазн окольного пути,
и час, когда звезда закрыта
и к ней дороги не найти.

18

В какой-то день и час какой-то,
наездившись до столбняка,
умоюсь прямо из брандспойта
у колеса грузовика.
И что-то выявится четче,
и станет ясен тот рубеж,
где за повтором «Авва отче»
окликнул звательный падеж.

19

Мы ропщем, мы словами сорим,
но это все от головы.

Ты чувствуешь, как пахнет морем
от свежескошенной травы.

И столько света в чистом тоне,
что чаша нам не так горька,
когда на голубом плафоне
стоят, как лики, облака.

20

Сойду с дороги, по проселку,
по лугу, лягу на живот.

И молодую богомолку
закроет плавный поворот.

Но, может быть, на спаде гула
придет открытый сильный звук,
чтоб душу музыкой продуло,
как будто слово – дело рук.

А слово станет, станет словом
и, перебравши чересчур,
пастух прочтет своим коровам
Платонов «Пир» и «Чевенгур»,
и, закативши бельма к небу,
косноязычный, как Терсит,
свою замусленную требу,
как истину провозгласит.

Последний идеалист

Однажды вождь и учитель
в конце тридцатых годов
спросил у своих придворных
исторических матерьялистов:

– Скажите, а есть у нас
живые идеалисты?

Ему ответили:

– Есть.

– А много ли?

– Единственный идеалист
у нас Алексей Лосев.

– Если один, пусть живет, –
изрек учитель и вождь,
и Лосева больше не трогали.

Критика практического разума

Люди сажают картошку.
Поле пашет смиренный мерин.
Когда он идет на Север,
прокладывает борозду,
я картофелину бросаю.
Когда он идет на Юг,
борозду засыпает.

Мерин ходит по полю,
как маятник ходит мерин,
как смена времен года:
лето, зима, лето.

Женщина говорит:
«Дай Бог, чтобы уродилась.
Дай Бог, чтоб ее хватило
в зиму, скотине и людям».

Облако встало над нами
в небе пронзительно синем.
Но почему же душу
мне тоска разрывает?

Мы сидим на террасе
перед столом накрытым.

На столе огромное блюдо
картошки с домашней тушенкой.
Надежда Иванна вносит
мой любимый салат – охотничий:
помидоры и сладкий перец,
репчатый лук и приправы,
пять минут кипятить в масле,
и можно закатывать в зиму.
Разбавленный спирт в стаканах
мы пьем, чтобы уродилась,
чтобы были дожди и ливни,
чтоб хватило тепла и света.
Но почему же душу
мне тоска разрывает?

Люди сажают картошку,
чтобы съесть ее ровно за год,
чтобы снова сажать картошку,
чтобы съесть ее ровно за год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.